

фрагменты прошлого: история одного навета XX века

Вихри над «Тихим Доном»

Лев КОЛОДНЫЙ

ОЩУЩЕНИЕ, что

держу в руках не

литературоведческое

исследование, а детектив, возникло вскоре после того, как попала ко мне книжка малого формата в зеленой глянцево-обложке под названием «Стремя Тихого Дона», где на титульном листе вместо фамилии автора обозначена буква со звездочкой — Д*.

Кто такой Д*? Кто этот храбрец, дерзнувший поднять руку на «Тихий Дон»? «Литературовед высокого класса, назовем его до времени Д*», — представляет автор издатель Александр Солженицын, сообщая, что сочинял литературовед книгу урывками между многими другими делами, поскольку работа могла «обнаружить» Д* и привести к разгрому всей его жизни. Но до этого не дошло. «В самые последние месяцы тяжелой болезни работа Д* разогналась, и за месяц до смерти он писал мне: «За весну и лето, несмотря на всевозможные помехи, сделал три главы...».

Итак, автор умер. Из его письма мы узнаем о желании завершить книгу главой... детективной. «Что касается детектива, то я решил составить краткий конспект этой второй своей книги с приложением собранной документации (библиографии и т. п.), а также написанных глав — двух. Это, равно как резюме, будет «Приложением» ввиду кончины автора. В кратком сообщении издателя будет сказано, что есть надежда найти вторую часть в завершенном виде. Вдруг мой век продлится и эта книга окажется написанной! Посмертно найденная рукопись составит вторую книгу. Таковы планы».

Как видим, предусмотрительный автор даже кончину свою брал в расчет. Прочитав письмо, издатель уведомляет разочарованного читателя:

«Но не только всего этого не выполнил Д*, а умер среди чужих людей, и нет уверенности, что не пропали его заготовки и труды последних месяцев. В который раз история цепко удержала излюбленную тайну. Я сожалею, что еще сегодня не смею огласить имя Д* и тем почтить его память. Однако придет время», — писал публикатор в январе 1974 года.

Не пришло ли время вырвать «излюбленную тайну»?

Пришло. Тем более что ничто больше не грозит разгрому жизни автора «Стремения». Между прочим, ничего не грозило в 1974 году ему и его семье, коль скоро он умер среди чужих людей.

Однако вот незавершенный детектив опубликован анонимно, причем абсолютно точно по плану, завещанному в письме к издателю: в виде краткого конспекта, с добавлением собранной документации (библиографии и т. п.), а также недописанных глав. И резюме называется «Приложением»...

Поразительное предвидение, поразительное единомыслие автора и издателя, исполнившего волю покойного!

Чем объяснить, что не раскрывается имя автора, если ему практически ничего не угрожало? Чем объяснить другие загадки «Стремения»? Займемся и мы детективом, уж очень хочется докопаться до истины, разгадать «излюбленную тайну».

В детективной главе два раздела обозначены точками — значит, потеряны, а вот обнародованный раздел называется «В петле сокрытия». Погоня идет за автором «Тихого Дона», который видится между строк известного в литературоведении письма Леонида Андреева писателю Сергею Голоушеву, где говорится об очерках последнего. Эти очерки Голоушев в 1917 году предлагал безуспешно опубликовать в журнале Андреева.

Напав на это письмо, на этот след, автор детектива делает открытие, что в письме Леонида Андреева речь идет не об очерке Голоушева, а о романе, причем написанном не им, а некогда известным донским писателем Федором Крюковым! С. Голоушев, как показалось детективу, направил Леониду Андрееву чужую рукопись, выступив в данном случае как посредник, а не автор...

Детектив отказывает Сергею Голоушеву в способности сочинить не только роман (что соответствует истине), но и путевой очерк.

«Не только донских очерков Голоушев явно не писал и не мог написать, но и каких-либо других, хотя бы «российских», «московских».

Почему так решительно отказывает детектив Сергею Голоушеву в талантах? Чтобы доказать: в письме Леонида Андреева речь идет не о его очерках, а о романе другого автора.

В «Петле сокрытия» письмо Леонида Андреева перепечатано полностью. Это довольно подробное дружеское послание, где нет никаких даже намеков на роман, а идет речь об очерках С. Голоушева под названием «Тихий Дон», не понравившихся Л. Андрееву.

Зачем автор «Тихого Дона» прибегал к услугам посредника? Почему его имя не называлось в переписке? Как мог автор создать «Тихий Дон» до октября 1917 года, если весь роман, начиная с первых глав, пронизан мыслью о грядущем потрясении, грядущей революции? Все эти и другие вопросы не смущают детектива.

Как выяснилось после выхода «Стремения», Сергей Голоушев не только написал очерк о тихом Доне, но и опубликовал его в 1917 году в Москве. Версия, построенная на песке, рухнула, таким образом, как только песок под ней зашевелился.

Перечитав письмо Леонида Андреева, московский литературовед А. В. Храбровицкий решил, что есть смысл искать ответ Сергея Голоушева, поскольку в нем могли быть дополнительные подробности, способные дополнить суть дела.

Литературовед обратился с запросом в Пушкинский дом, к хорошему знаменитого сотрудника — кандидату филологических наук Л. Н. Назаровой. Она выполнила просьбу коллеги, посмотрела архив Леонида Андреева и нашла в ответ Сергея Голоушева, сняла с него копию и отравила ее в Москву.

Что же произошло? Сергей Голоушев, получив отказ Леонида Андреева, отдал очерки в другую газету, московскую, где они пришли к двору, не показались пухлявыми, непригодными.

В середине сентября очеркист писал Леониду Андрееву

«...когда я получил назад «С тихого Дона», я пришел в недоумение... Рукопись отдал в «Народный вестник», там ее с благодарностью взяли, и я даже про нее перестал вспоминать».

Литературовед заказал имеющуюся в хранилище подшивку газеты и быстро нашел то, что искал, в номерах за 24 и 28 сентября 1917 года. Написать о своем открытии А. В. Храбровицкий не мог: его в семидесятые годы нигде не публиковали, даже имя не упоминали. И еще: о «Стремении «Тихого Дона» после выхода книги в 1974 году никто и нигде в СССР не писал. Громко говорили об этом «детективном» исследовании зарубежные дикторы, писали западные газеты. У нас говорили шепотом. Читать «Стремя» могли только некоторые специалисты, имевшие особое право на знакомство с подобной литературой.

Читаешь, например, известного шолохеда Константина Прийма и все ждешь, когда же он начнет бороться не с мифическими фальсификаторами, а с реальными, когда опровергнет пущенную сочинителями «Стремения» версию, что автором «Тихого Дона» является Федор Крюков? Создается впечатление, что Константин Прийма сознательно избегал упоминать это имя. Такая фигура умолчания породила результат, противоположный желаемому.

В дважды изданном его сборнике, посвященном Михаилу Шолохову, «С веком наравне», о Федоре Крюкове упоминается в примечаниях мелким шрифтом как об авторе одной из статей в белогвардейской газете «Донские ведомости»...

Как будто бы не ему приписывают великий роман не только в Париже, но и в Москве. К примеру, на картонке каталога с названиями книг Федора Крюкова, хранящихся в библиотеке имени В. И. Ленина, чья-то рука дополнила список, составленный библиографами: «См. «Тихий Дон».

Михаил Шолохов в Берлине, 1930 г. Фото И. Клейменова (публикуется впервые).

Если бы только анонимные библиографы! Вполне конкретные московские писатели в наши дни встают с места в зале Центрального Дома литераторов и публично заявляют то же самое, повторяя «Стремя «Тихого Дона».

Ну, а Михаил Александрович Шолохов — упоминал ли о Федоре Крюкове? Упомянул. Будучи в Швеции, рассказывал студентам-славистам о нем, говорил, что в пору, когда писал «Тихий Дон», сочинений этого писателя не знал. До революции Федор Крюков публиковался главным образом в журналах, у него вышли малыми тиражами только три книжки рассказов и повестей.

Любой, почитав сочинения донского писателя Федора Крюкова, убедится: он не мог написать такой роман, как «Тихий Дон». Но как почитать кривоковские рассказы, если последний раз его сборник выходил в 1918 году! Тогда на Дону вышел «Родимый край», ныне библиографическая редкость, посвященный юбилею Ф. Д. Крюкова.

В этом-то сборнике мы найдем еще одно упоминание о существующем в русской литературе «Тихом Доне». Кривоковском.

В одном из писем В. Г. Короленко читаем:

«Прежде всего считаю нужным немного оправдаться. Правда, само оправдание начну с признания другой своей вины, именно, что я не написал Вам о той роли, которую в «обработке» Ваших очерков «Тихого Дона» играла заботливая рука цензора...».

Откроем толстые книжки журнала «Русское богатство» за 1898 год и в номерах с 8-го по 10-й увидим публиковавшийся с продолжением путевой очерк Федора Крюкова под названием «На тихом Дону», где вступивший в литературу молодой писатель рассказывает о казаках, их нравах, обычаях, особенностях уклада жизни.

В. Г. Короленко в письме называет кривоковский очерк «Тихим Доном».

Итак, есть «Тихий Дон», он же «На тихом Дону» Федора Крюкова. Есть «Тихий Дон», он же «С тихого Дона» С. Голоушева. Есть «Тихий Дон» Михаила Шолохова.

Вернемся к детективам из «Стремения», которые, казалось бы, настаивают преступника в самом конце главы «Петля сокрытия», дописанной издателем такими словами:

«В главе «Петля сокрытия» Д* не успел закончить свою мысль: «...те главы из «Тихого Дона», которые Голоушев предлагал Андрееву для «Русской воли», и были главами из уже писавшегося тогда романа Федора Крюкова. Эти главы Голоушев мог, в частности, получить через Серафимовича, с которым был в дружеских отношениях».

Опять выводится на сцену Александр Серафимович как соучастник преступления. Абсурд.

Позвольте мне под завесу стать детективом и сделать свои предположения.

Автором «Стремения», его «Аналитической главы», выступает не столько знаток творчества Михаила Шолохова, сколько — Федора Крюкова. Он пытается доказать, что в романе два различных стилистических пласта: «разный», художественный, и «красный», пропагандистский, автора и «соавтора».

Поиском теперь сочинителя «Стремения» среди кривоковедов. Узок их круг, всего несколько человек. Одного из них — писателя Вл. Моложавенко цитирует «Стремя». В Ростове его хорошо знают. Он не мог быть автором книги.

Другой кривоковед — скончавшийся в 1988 году в Москве журналист Виталий

Проскурин. Это земляк Федора Крюкова, казак из станицы Глазуновской, в детстве, как рассказывал мне, видел писателя у порога родного дома. Проскурин — автор недавней публикации — переписки Александра Серафимовича и Федора Крюкова. Из 27 писем («журнал «Волга», № 2, 1988 г.) мы узнаем о дружбе земляков, писателей Дона, переписывавшихся до марта 1917 года. Ничего в этой подробной, доверительной переписке о романе нет.

— Федор Крюков к «Тихому Дону» не имеет никакого отношения, — таково мнение этого знатока.

Есть и третий кривоковед. В молодежной газете в одном из волжских городов напечатал он в январе 1971 года статью о Федоре Крюкове под названием «Писатель с речки Лазаревой». Она начинается так: «Впервые о Федоре Дмитриевиче Крюкове я слышал от Александра Серафимовича. Это было летом 1936 года. Серафимович спросил меня, кого из старых писателей Дона я знаю. К сожалению своему, я не смог назвать ни одного имени. Тогда он упомянул несколько писателей, и среди них особо выделил Крюкова:

— Ну, этого-то ты должен знать, дончак! — воскликнул он. — Ведь Крюков ваш станичник. Великолепный писатель!

Серафимович говорил о нем с большой любовью и вдохновением, часто повторяя применительно к нему слово «великолепный».

Запомнилось автору этой статьи наименование трех его произведений. Это «На тихом Дону», «Казачка», «На речке Лазаревой»...

С тех пор стал дончак исследовать творчество Федора Крюкова, призвал в 1971 году изучать любимого писателя. Сразу же после статьи, где замалчивалось белое прошлое писателя, последовала бурная реакция — решение бюро обкома ВЛКСМ, признавшего выступление газеты ошибочным.

Обратите внимание — первым в статье упоминается сочинение под названием «На тихом Дону», не самое лучшее, заурядное, не рассказ, не повесть — очерк, написанный в конце XIX века!

Подписана корреспонденция: В. Давыдов.

И это псевдоним. Чей он?

— Михаил Карпович Давыдов, — сообщил Виталий Проскурин. — Почему-то он всегда и везде конспирировался.

Раскрыв сборник «Воспоминания современников об А. С. Серафимовиче», в разделе «Об авторах» найдем краткую справку: «Давыдов Михаил Карпович — земляк А. С. Серафимовича по станице Усть-Медведицкой (город Серафимович), преподаватель русского языка и литературы».

В главе, озаглавленной «Дедушка», учитель делится детскими и юношескими воспоминаниями. Имя Федора Крюкова не упоминается по известной причине — сборник вышел в 1977 году. Пишет автор об Александре Серафимовиче с любовью, как о наставнике.

Не мог заподозрить этот кривоковед наставника в соучастии в плагиате, не мог писать так, как говорится о нем в «Петле сокрытия». Пишет целиком эту главу, на мой взгляд, Александр Солженицын, как пишет предисловие и биографическую справку на Федора Крюкова, «Примечания»...

Вот такой получается детектив... Всем стилем, ритмикой, напором, страстью, злостью эти составляющие книги отличаются от «Аналитической главы», которую, по всей видимости, сочинил и представил издателю кривоковед Д*, он же В. Давыдов, он же М. К. Давыдов. Больше некому.

Выходит, не в «Тихом Доне» два пласта: автора и «соавтора», а в «Стремении» два пласта: Д* и Александра Солженицына. Поскольку к моменту выхода книги ее главный автор здравствовал, то издатель прибегнул к мистификации, а сделав один только шаг на этом пути, ушел далеко-далеко вперед: сочинил также письмо к себе от якобы умершего Д*. Потому и сошлось все, как сходится только в романе, в письме и в книге.

Кто кроме Д* сбил с толку издателя, кто снабдил его информацией о «кованом сундучке» умершего в начале 1920 года Федора Крюкова, где лежал якобы роман?

Он отвечает на это в «Примечаниях», в ярком пассаже, являющемся образцом солженицынской «эллиптической прозы» (с пропусками легко подразумеваемого), где в бурном ритме следуют друг за другом загадочные фигуры: «Священник Шкуратов и его сын Ш. ведь приобрел архив в этом гнезде (сундучок и проч.). Молодой Шкуратов (П. И.) — писатель, долгий жилец ГУЛАГа, а не мог ли кое-что сам написать и сам написал? Ведь и ему тогда (в 1920-м) могло быть всего 20 лет, о П. И. Шкуратове, авторе «Павла Курбатова».

Так вот, сообщая, что покойный казак станицы Глазуновской П. И. Шкуратов, хорошо знакомый его земляку В. Проскурину и А. Храбровицкому, отличался способностью к самому заурядному вымыслу, лжи, в чем знающими его людьми отличался не раз. Частью его архива находится в рукописном отделе библиотеки В. И. Ленина, в фонде А. Храбровицкого, часть была у В. Проскурина, часть в Волгограде. (Следов «Тихого Дона» и там нет). Этой склонности к вымыслу обязан Солженицын версией о «кованом», или, по его словам, «заветном сундучке». Такой опытный конспиратор, а поверил ли.

Чувствуя зыбкость всех своих построений, издатель называет неожиданно в конце книги еще одного претендента на авторство, не смущаясь тем, что с иллюстраций смотрит на читателей Федор Крюков, представленный в разных видах, начиная с младенчества, кончая тем временем, когда заседал в Войсковом Круге.

Оказывается, не исключает издатель и другого автора!

Кто же этот очередной (какой по счету?) претендент на «Тихий Дон»?

Имени его Солженицын не называет, а рисует образ совершенно темный, как зашвеченный снимок.

«...не могу абсолютно уверенно исключить, что был-жил некогда публично не проявленный, оставшийся всем неизвестным, в гражданскую войну расцветавший и вслед за ней погибший еще один донской литературный гений: 1920—22 годы были годами сплошного уничтожения...».

Каким образом безвестный гений не проявил себя и вдруг написал роман такой силы? На этот вопрос публикатор ответа дать не может.

Как бы ни старались Д* и его издатель «повернуть боком» великий роман, прислать его то к груди Федора Крюкова, то к груди не проявленного гения, стремнина «Тихого Дона» отшвыривает их в сторону, бросает на вязкий песок псевдодоказательства и в конце концов уносит «Стремя» в пучину, на дно, куда уподает все, чему не суждено жить на земле.

фрагменты прошлого: история одного навета XX века

Вихри над «Тихим Доном»

Лев КОЛОДНЫЙ

ОЩУЩЕНИЕ, что держу в руках не литературоведческое исследование, а детектив, возникло вскоре после того, как попала ко мне книжка малого формата в зеленой глянцево-обложке под названием «Стремя Тихого Дона», где на титульном листе вместо фамилии автора обозначена буква со звездочкой — Д*.

Кто такой Д*? Кто этот храбрец, державший поднять руку на «Тихий Дон»? Литературовед высокого класса, назовем его до времени Д*, — представляет автора издатель Александр Солженицын, сообщая, что сочинил литературовед книгу урывками между многими другими делами, поскольку работа могла «обнаружить» Д* и привести к разгрому всей его жизни. Но до этого не дошло. «В самые последние месяцы тяжелой болезни работа Д* разогналась, и за месяц до смерти он писал мне: «За весну и лето, несмотря на всевозможные помехи, сделал три главы...».

Итак, автор умер. Из его письма мы узнаем о желании завершить книгу главой... детективной. «Что касается детектива, то я решил составить краткий конспект этой второй своей книги с приложением собранной документации (библиографии и т. п.), а также написанных глав — двух. Это, равно как резюме, будет «Приложением» к концу книги автора. В кратком сообщении издателя будет сказано, что есть надежда найти вторую часть в завершенном виде. Вдруг мой век продлится и эта книга окажется написанной! Посмертно найденная рукопись составит вторую книгу. Таковы планы».

Как видим, предусмотрительный автор даже кончину свою брал в расчет. Прочитав письмо, издатель уведомляет расчувствовавшегося читателя:

«Но не только всего этого не выполнил Д*, а умер среди чужих людей, и нет уверенности, что не пропали его заготовки и труды последних месяцев. В который раз история цепко удержала излюбленную тайну. Я сожалею, что еще сегодня не смею огласить имя Д* и тем почтить его память. Однако придет время, — писал публикатор в январе 1974 года.

Не пришло ли время вырвать «излюбленную тайну»?

Пришло. Тем более что ничто больше не грозит разгрому жизни автора «Стремения». Между прочим, ничего не грозило в 1974 году ему и его семье, коль скоро он умер среди чужих людей.

Однако вот незавершенный детектив опубликован анонимно, причем абсолютно точно по плану, завещанному в письме к издателю: в виде краткого конспекта, с добавлением собранной документации (библиографии и т. п.), а также недописанных глав. И резюме называется «Приложением»...

Поразительное предвидение, поразительное единомыслие автора и издателя, исполнившего волю покойного!

Чем объяснить, что не раскрывается имя автора, если ему практически ничего не угрожало? Чем объяснить другие загадки «Стремения»? Займемся и мы детективом, уж очень хочется докопаться до истины, разгадать «излюбленную тайну».

В детективной главе два раздела обозначены точками — значит, потеряны, а вот обнародованный раздел называется «В петле сокрытия». Погоня идет за автором «Тихого Дона», который видится между строк известного в литературоведении письма Леонида Андреева писателю Сергею Голоушеву, где говорится об очерках последнего. Эти очерки Голоушев в 1917 году предлагал безуспешно опубликовать в журнале Андреева.

Напав на это письмо, на этот след, автор детектива делает открытие, что в письме Леонида Андреева речь идет не об очерке Голоушева, а о романе, причем написанном не им, а некогда известным донским писателем Федором Крюковым! С. Голоушев, как показало детективу, направил Леониду Андрееву чужую рукопись, выступив в данном случае как посредник, а не автор...

Детектив отказывает Сергею Голоушеву в способности сочинить не только роман (что соответствует истине), но и путевой очерк.

«Не только донских очерков Голоушев явно не писал и не мог написать, но и каких-либо других, хотя бы «российских», «московских».

Почему так решительно отказывает детектив Сергею Голоушеву в талантах? Чтобы доказать: в письме Леонида Андреева речь идет не о его очерках, а о романе другого автора.

В «Петле сокрытия» письмо Леонида Андреева перепечатано полностью. Это довольно подробное дружеское послание, где нет никаких намеков на роман, а идет речь об очерках С. Голоушева под названием «Тихий Дон», не понравившихся Л. Андрееву.

Зачем автор «Тихого Дона» прибегал к услугам посредника? Почему его имя не называлось в переписке? Как мог автор создать «Тихий Дон» до октября 1917 года, если весь роман, начиная с первых глав, пронизан мыслью о грядущем потрясении, грядущей революции? Все эти и другие вопросы не смущают детектива.

Как выяснилось после выхода «Стремения», Сергей Голоушев не только написал очерк о тихом Доне, но и опубликовал его в 1917 году в Москве. Версия, построенная на песке, рухнула, таким образом, как только песок под ней зашевелился.

Перечитав письмо Леонида Андреева, московский литературовед А. В. Храбровицкий решил, что есть смысл поискать ответ Сергея Голоушева, поскольку в нем могли быть дополнительные подробности, способные прояснить суть дела.

Литературовед обратился с запросом в Пушкинский дом, к хорошо знавшей его сотруднице — кандидату филологических наук А. Н. Назаровой. Она выполнила просьбу коллеги, посмотрела архив Леонида Андреева и нашла в нем ответ Сергея Голоушева, сняла с него копию и отравила ее в Москву.

Что же произошло? Сергей Голоушев, получив отказ Леонида Андреева, отдал очерки в другую газету, московскую, где они пришли ко двору, не показались пухлявыми, непригодными.

В середине сентября очеркист писал Леониду Андрееву:

«...когда я получил назад «С тихого Дона», я пришел в недоумение... Рукопись отдал в «Народный вестник», там ее с благодарностью взяли, и я даже про нее перестал вспоминать».

Литературовед заказал имеющуюся в хранилище подшивку газеты и быстро нашел то, что искал, в номерах за 24 и 28 сентября 1917 года. Написать о своем открытии А. В. Храбровицкий не смог: его в семидесяти годы нигде не публиковали, даже имя не упоминали. И еще: о «Стремении Тихого Дона» после выхода книги в 1974 году никто и нигде в СССР не писал. Громко говорили об этом «детективном» исследовании зарубежные дикторы, писали западные газеты. У нас говорили шепотом. Читать «Стремя» могли только некоторые специалисты, имевшие особое право на знакомство с подобной литературой.

Читаешь, например, известного шолохова Константина Прийма и все ждешь, когда же он начнет бороться не с мифическими фальсификаторами, а с реальными, когда опровергнет пущенную сочинителями «Стремения» версию, что автором «Тихого Дона» является Федор Крюков? Создается впечатление, что Константин Прима сознательно избегал упоминать это имя. Такая фигура умолчания породила результат, противоположный желаемому.

В дважды изданном его сборнике, посвященном Михаилу Шолохову, «С веком наравне», о Федоре Крюкове упоминается в примечаниях мелким шрифтом как об авторе одной из статей в белогвардейской газете «Донские ведомости»...

Как будто бы не ему приписывают великий роман не только в Париже, но и в Москве. К примеру, на карточке каталога с названиями книг Федора Крюкова, хранящихся в библиотеке имени В. И. Ленина, чья-то рука дополнила список, составленный библиографами: «См. «Тихий Дон».

Михаил Шолохов в Берлине, 1930 г. Фото И. Клейменова (публикуется впервые).

Если бы только анонимные библиографы! Вполне конкретные московские писатели в наши дни встают с места в зале Центрального Дома литераторов и публично заявляют то же самое, повторяя «Стремя Тихого Дона».

Ну, а Михаил Александрович Шолохов — упоминал ли о Федоре Крюкове? Упомянул. Будучи в Швеции, рассказывал студентам-славистам о нем, говорил, что в пору, когда писал «Тихий Дон», сочинений этого писателя не знал. До революции Федор Крюков публиковался главным образом в журналах, у него вышли малыми тиражами только три книжки рассказов и повестей.

Любой, почитав сочинения донского писателя Федора Крюкова, убедится: он не мог написать такой роман, как «Тихий Дон». Но как почитать кривошею рассказы, если последний раз его сборник выходил в 1918 году! Тогда на Дону вышел «Родимый край», ныне библиографическая редкость, посвященный юбилею Ф. Д. Крюкова.

В этом-то сборнике мы найдем еще одно упоминание о существующем в русской литературе «Тихом Доне». Крюковском.

В одном из писем В. Г. Короленко читаем:

«Прежде всего считаю нужным немного оправдаться. Правда, само оправдание начну с признания другой своей вины, именно, что я не написал Вам о той роли, которую в «обработке» Ваших очерков «Тихого Дона» играла заботливая рука цензора...».

Открою толстые книжки журнала «Русское богатство» за 1898 год и в номерах с 8-го по 10-й увидим публиковавшийся с продолжением путевой очерк Федора Крюкова под названием «На тихом Дону», где вступивший в литературу молодой писатель рассказывает о казаках, их нравах, обычаях, особенностях уклада жизни.

В. Г. Короленко в письме называет кривошею очерк «Тихим Доном».

Итак, есть «Тихий Дон», он же «На тихом Дону» Федора Крюкова. Есть «Тихий Дон», он же «С тихого Дона» С. Голоушева. Есть «Тихий Дон» Михаила Шолохова.

Вернемся к детективам из «Стремения», которые, казалось бы, настигают преступника в самом конце главы «Петля сокрытия», дописанной издателем такими словами:

«В главе «Петля сокрытия» Д* не успел закончить свою мысль: «...те главы из «Тихого Дона», которые Голоушев предлагал Андрееву для «Русской воли», и были главами из уже писавшегося тогда романа Федора Крюкова. Эти главы Голоушев мог, в частности, получить через Серафимовича, с которым был в дружеских отношениях».

Опять выводится на сцену Александр Серафимович как соучастник преступления. Абсурд.

Позвольте мне под занавес стать детективом и сделать свои предположения.

Автором «Стремения» его «Аналитической главы», выступает не столько знаток творчества Михаила Шолохова, сколько — Федора Крюкова. Он пытается доказать, что в романе два разнородных стилистических пласта: «белый», художественный и «красный», пропагандистский, автора и «соавтора».

Поиск теперь сочинителя «Стремения» среди кривошедов. Узок их круг, всего несколько человек. Одного из них — писателя Вл. Моложавенко цитирует «Стремя». В Ростове его хорошо знают. Он не мог быть автором книги.

Другой кривошед — скончавшийся в 1988 году в Москве журналист Виталий

Проскурин. Это земляк Федора Крюкова, казак из станицы Глазуновской, в детстве, как рассказывал мне, видел писателя у порога родного дома. Проскурин — автор недавней публикации — переписки Александра Серафимовича и Федора Крюкова. Из 27 писем («Журнал «Волга», № 2, 1988 г.) мы узнаем о дружбе земляков, писателей Дона, переписывавшихся до марта 1917 года. Ничего в этой подробной, доверительной переписке о романе нет.

— Федор Крюков к «Тихому Дону» не имеет никакого отношения, — таково мнение этого знатока.

Есть и третий кривошед. В молодежной газете в одном из волжских городов печатал он в январе 1971 года статью о Федоре Крюкове под названием «Писатель с речки Лазоревой». Она начинается так: «Впервые о Федоре Дмитриевиче Крюкове я слышал от Александра Серафимовича. Это было летом 1936 года. Серафимович спросил меня, кого из старых писателей Дона я знаю. К сожалению своему, я не смог назвать ни одного имени. Тогда он упомянул несколько писателей, и среди них особо выделил Крюкова:

— Ну, этого-то ты должен знать, дончак! — воскликнул он. — Ведь Крюков ваш станичник. Великолепный писатель!

Серафимович говорил о нем с большой любовью и вдохновением, часто повторяя применительно к нему слово «великолепный».

Запомнилось автору этой статьи наименование трех его произведений. Это «На тихом Дону», «Казачка», «На речке Лазоревой»...

С тех пор стал дончак исследовать творчество Федора Крюкова, призвал в 1971 году изучать любимого писателя. Сразу же после статьи, где замалчивалось белое прошлое писателя, последовала бурная реакция — решение бюро обкома ВЛКСМ, признавшего выступление газеты ошибочным.

Обратите внимание — первым в статье упоминается сочинение под названием «На тихом Дону», не самое лучшее, заурядное, не рассказ, не повесть — очерк, написанный в конце XIX века!

Подписана корреспонденция: В. Давыдов.

И это псевдоним. Чей он?

— Михаила Карповича Давыдова, — сообщил Виталий Проскурин. — Почему-то он всегда и везде конспирировался.

Раскрыв сборник «Воспоминания современников об А. С. Серафимовиче», в разделе «Об авторах» найдем краткую справку: «Давыдов Михаил Карпович — земляк А. С. Серафимовича по станице Усть-Медведицкой (город Серафимович), преподаватель русского языка и литературы».

В главе, озаглавленной «Дедушка», учитель делится детскими и юношескими воспоминаниями. Имя Федора Крюкова не упоминается по известной причине — сборник вышел в 1977 году. Пишет автор об Александре Серафимовиче с любовью, как о наставнике.

Не мог заподозрить этот кривошед наставника в соучастии в плагиате, не мог писать так, как говорится о нем в «Петле сокрытия». Пишет целиком эту главу, на мой взгляд, Александр Солженицын, как пишет предисловие и биографическую справку на Федора Крюкова, «Примечания»...

Вот такой получается детектив... Всем стилем, ритмикой, напором, страстью, злостью эти составляющие книги отличаются от «Аналитической главы», которую, по всей видимости, сочинил и представил издателю кривошед Д*, он же В. Давыдов, он же М. К. Давыдов. Больше некому.

Выходит, не в «Тихом Доне» два пласта: автора и «соавтора», а в «Стремении» два пласта: Д* и Александра Солженицына. Поскольку к моменту выхода книги ее главный автор здравствовал, то издатель прибегнул к мистификации, а сделав один только шаг на этом пути, ушел далеко-далеко вперед: сочинил также письмо к себе от якобы умершего Д*. Потому и сошлось все, как сходитесь только в романе, в письме и в книге.

Кто кроме Д* сбил с толку издателя, кто снабдил его информацией о «кованом сундучке» умершего в начале 1920 года Федора Крюкова, где лежал якобы роман?

Он отвечает на это в «Примечаниях», в ярком пассаже, являющемся образцом солженицынской «эллиптической прозы» (с пропусками легко подразумеваемого), где в бурном ритме следуют друг за другом загадочные фигуры: «Священник Шкуратов и его сын Ш. ведь приобрел архив в этом гнезде (сундучок и проч.). Молодой Шкуратов (П. И.) — писатель, долгий житель ГУЛАГа, а не мог ли кое-что сам написать и сам написал? Ведь и ему тогда (в 1920-м) могло быть всего 20 лет, о П. И. Шкуратове, авторе «Павла Курбатова».

Так вот, сообщаю, что покойный казак станицы Глазуновской П. И. Шкуратов, хорошо знавший его земляку В. Проскурину и А. Храбровицкому, отличался способностью к самому заурядному вымыслу, лжи, в чем знающими его людьми уличался не раз. Часть его архива находится в рукописном отделе библиотеки В. И. Ленина, в фонде А. Храбровицкого, часть была у В. Проскурина, часть в Волгограде. (Следов «Тихого Дона» и там нет). Этой склонности к вымыслу обязан Солженицын версией о «кованом», или, по его словам, «заветном сундучке». Такой опытный конспиратор, а поверил ли.

Чувствуя зыбкость всех своих построений, издатель называет неожиданно в конце книги еще одного претендента на авторство, не смущаясь тем, что с иллюстраций смотрит на читателей Федор Крюков, предвещенный в разных видах, начиная с младенчества, кончая тем временем, когда заседая в Войсковом Круге.

Оказывается, не исключает издатели и другого автора!

Кто же этот очередной (какой по счету?) претендент на «Тихий Дон»?

Имени его Солженицын не называет, а рисует образ совершенно темный, как застывший снимок.

«...не могу абсолютно уверенно исключить, что был-жил некогда публично не проявленный гений, оставшийся всем неизвестен, в гражданскую войну расцветший и вслед за ней погибший еще один донской литературный гений: 1920—22 годы были годами сплошного уничтожения...».

Каким образом безвестный гений не проявил себя и вдруг написал роман такой силы? На этот вопрос публикатор ответа дать не может.

Как бы ни старались Д* и его издатель «повернуть боком» великий роман, приписать его то к груди Федора Крюкова, то к груди не проявленного гения, стремнина «Тихого Дона» отшвыривает их в сторону, бросает на вязкий песок псевдодоказательства и в конце концов уносит «Стремя» в пучину, на дно, куда попадает все, чему не суждено жить на земле.